

Посвящается Отто

Папа собирался на войну. Сумка с вещами уже стояла у двери, оставалось только попрощаться.

Он не в первый раз уезжал на войну. Такое случалось как минимум раз в год. Вообще, собираться на войну неправильно. Наоборот, надо убираться от неё под добру-поздорову. Но папа — военный врач, а на войне врачи нужнее всего. Папа любит чувствовать себя нужным.

До сих пор его поездки всегда заканчивались хорошо, и в конце концов он возвращался домой, целый и невредимый. Но я боялась. Это будто прыжки через скакалку: сначала прыгаешь себе и прыгаешь, а потом обязательно споткнёшься. Иначе не бывает.

— Не беспокойся! — сказал папа.

Нет, такие слова не успокаивают. Все знают, что эти поездки — штука опасная. Мало ли что может произойти.

Например, папа может заболеть. Малярией или жёлтой лихорадкой. Или ещё какой-нибудь страшной болезнью.

— Ну что ты, Кик, — возразил он. — До этого не дойдёт. Я здоров как бык и сделал себе кучу прививок.

И закатал рукав футболки, чтобы показать место укола. Я встала на цыпочки, чтобы получше рассмотреть. Среди веснушек на его плече виднелась маленькая красная точечка.

— И это всё? — спросила я.

— И я беру с собой лекарства, — ответил он.

Ещё папу могут подстрелить. Ведь на войне до чёртиков солдат, и они могут решить, что папа на стороне противника. И начнут стрелять.

— Я ни на чьей стороне, — пояснил папа. — Любой солдат это сразу поймёт.

Но ведь он может попасть в аварию. Сорваться на машине в ущелье. Или разбиться на самолете.

— Помнишь присказку о Человеке, Который Всего Боялся? — спросил папа.

— Помню.

Папа часто её рассказывал. Дурацкая сказочка, вообще-то. Человек, Который Всего Боялся даже не выходил на улицу, потому что там много опасностей. Но как-то раз ветер повалил большое дерево, росшее у него в саду, и этого человека задавило насмерть — прямо в собственном доме.

— Значит, понимаешь, о чём я, — продолжал папа. — Несчастный случай может произойти где угодно. Глупо себя накручивать и сидеть дома. Если все будут сидеть по домам, в этом мире ничего не изменится.

Но всё равно мне хотелось, чтобы папа остался. Вдруг его там заденет шальной пулей. Шальные пули гораздо страшнее солдат. Они творят, что им вздумается. Шныряют в воздухе туда-сюда, и никто их не видит.

— Шальных пуль не бывает, — сказал папа.

— Очень даже бывает.

— Не беспокойся. Мне они пока не встречались.

— Когда встретятся, будет поздно, — ответила я.

Папа наклонился и погладил Мону.

— Пока, старушка. Береги моих женщин.

И вздохнул. Мона завилыла обрубком хвоста и вздохнула в ответ.

— Мы сами будем себя беречь, — сказала мама.

Папа поднял меня на руки, и я положила голову ему на плечо.

— Надо же, какая тяжёлая стала, — улыбнулся папа. — У меня аж все кости хрустят.

— Слабак, — проворчала я.

— Любимка, — ответил папа. Он спустил меня на землю, а потом приподнял маму. Совсем чуть-чуть. Я внимательно слушала. Ничего у него не хрустело.

Мама сказала:

— А вот и такси.

Папа отнёс сумку в такси и сам уселся в машину. Мама побежала за ним. Папа опустил стекло и поцеловал маму.

— Целую! — крикнул он мне.

Я взобралась на оградку нашего сада и подняла руку на прощанье.

— Пока, — помахала я.

И такси уехало.

Мона умеет вздыхать с двух сторон. Чаще всего она вздыхает сзади: попукивает — тихонько, но ощутимо. Спереди она вздыхает, только если её погладить. А я её никогда не глажу.

С самого начала, когда она у нас поселилась, она уже была старой и грязной. Никому-то она была не нужна, кроме мамы.

С каждым днем она становится ещё старше и ещё грязнее. Она маленькая и толстая. Шерсть короткая, жёсткая — щетина щетиной, — а вместо хвоста обрубок. Глаза навывкате, уши огромные, из-под верхней губы зубы торчат. Мона невлюбила меня с самого начала. Всё время ложится хвостом ко мне и пованивает. А однажды сожрала половину браслета-резиночки с моим именем.

— Ты теперь Ки, — сказала мама.

— Можно мне новую? — спросила я.

— Собаку или резиночку?

— И то и другое.

— Ки, — повторила мама. — Красивое имя.

Мама любит сломанные вещи. Вся наша гостиная забита хламом, который нормальные люди давно бы

уже выбросили. У нас есть треснувшее зеркало, диван с продавленными подушками и кресло со сломанной спинкой. Мама работает в магазине подержанной мебели. Когда становится понятно, что вещь точно никто не купит, мама забирает её домой.

Папа никогда не переживает о вещах. Он переживает только о людях.

Такси с папой завернуло за угол. Мона на своих коротких лапках заковыляла по садовой дорожке.

— Ты опоздала, — сказала я. — Он уже уехал.

С заднего конца Моны раздался вздох.

Мы сидели на диване с продавленными подушками. Мы с мамой. И куда же без Моны — она похрапывала на коленях у мамы.

— Ты слышала о существовании шальных пуль? — спросила я.

— Не думай об этом, — ответила мама. По её лицу было видно, что ей и самой очень не хочется об этом думать.

— Но ведь они существуют.

— Знаю. Но вероятность повстречаться с шальной пулей очень невелика.

— А вдруг с ней повстречается папа? Вдруг он возьмёт и наткнётся на шальную пулю? Такое вполне может произойти. И останусь я без папы.

— Произойти может всё что угодно.

— Как в истории о Человеке, Который Всего Боялся.

— Дурацкая сказочка, — сказала мама. — На самом деле всё гораздо сложнее. Попробую объяснить. Тут всё дело в вероятностях или, иначе говоря, шансах. Например,

шанс стать миллионером очень мал. А вот шанс найти на улице евро гораздо выше. Точно высчитать эту вероятность невозможно, но все и так знают, что миллионерами становятся единицы. Сколько ты знаешь миллионеров?

— Ни одного.

— Вот видишь? Это доказывает мою теорию. С папами то же самое. Из всех детей, которых ты знаешь, у скольких есть папа?

— Таких очень много.

— А у скольких из них нет папы?

Я задумалась.

— В разводе считается?

— Нет. Только у кого вообще нет папы.

— Тогда у одного. У Шона папа умер.

— Вот видишь, вероятность того, что у ребёнка есть папа, велика, — сказала мама. — А вероятность того, что папы нет, мала. Поэтому можно не бояться, что ты останешься без папы.

— А можно снизить вероятность? Или, наоборот, повысить?

— Можно. Иногда можно.

— Человек, Который Всего Боялся старался снизить вероятность, — сказала я. — А папа её только повышает.

Мама вздохнула.

Понятно, что она хотела мне помочь. Но всё стало только сложнее. Теперь мне надо было думать о том, как увеличивать и уменьшать вероятности.

Я стала думать о папе Шона. О единственном мёртвом папе, которого я знала. Ещё я знала трёх детей, у которых умерли кошки. И двоих, у кого умерли собаки. И одного, у кого умерла мышь.

Я посмотрела на Мону. Я не знала ни одного человека, у кого бы умерли и папа, и собака. И папа, и собака вместе. Такого почти не бывает. Мама бы сказала, что вероятность совсем мала. А ещё меньше вероятность, что у человека сразу умрут и папа, и собака, и мышь.